

ленію моимъ имѣніемъ. Я получилъ отъ г. Сердечнаго письмо, въ которомъ онъ снова увѣряетъ меня въ готовности помочь мнѣ, за что я ему искренно благодаренъ—но никакого отвѣта отъ брата своего еще не сообщаетъ. Пожалуйста, поддержите въ немъ доброе расположеніе ко мнѣ, а инсталлацію будущаго управляющаго я, конечно, сдѣлаю *in propria persona*—все равно, останется ли дядя въ Спасскомъ, или нѣтъ. Смерть Дудышкина меня очень огорчила: хорошій и честный былъ человекъ; я долго не хотѣлъ вѣрить ей именно потому, что нигдѣ не встрѣчалъ о ней ни слова; но, видно, наша литература, какъ республика во время террора—*n'a besoin de personne*. И хоть бы было что-нибудь на мѣсто того, что она такъ презрительно, равнодушно теряетъ, а то вѣдь и осталась всего одна „Искра“ съ ея зубоскальствомъ изъ-подъ палки,—но довольно объ этомъ.

„Воображаю, какой у васъ теперь гвалтъ въ Петербургѣ! Посмотрѣлъ бы на это хоть однимъ глазомъ. А впрочемъ, по зрѣломъ соображеніи, предпочитаю остаться здѣсь и стрѣлять фазановъ и дикихъ козъ. Засимъ обнимаю васъ и кланяюсь дружески вашей милой женѣ. Преданный вамъ—Ив. Тургеневъ.“

Въ концѣ 1866 г. Тургеневъ заканчивалъ свою новую повѣсть „Дымъ“, и для напечатанія ея рѣшился даже нарочно пріѣхать въ Россію. Въ послѣднихъ числахъ января 1867 г. Тургеневъ былъ уже въ Петербургѣ, гдѣ и оставался самое короткое время, такъ какъ онъ стѣшилъ въ Москву, гдѣ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ долженъ былъ появиться „Дымъ“. Съ этого же времени начинается у Тургенева разладъ съ московскою редакціею; послѣ „Дыма“, онъ напечаталъ въ Москвѣ еще „Несчастную“, а затѣмъ можно сказать, что съ 1868 года и до самой своей смерти въ 1883 г. онъ печаталъ свои произведенія исключительно въ Петербургѣ.

П. Анненковъ.